

О СЧАСТІИ.

Гдѣ ищутъ счастія, и гдѣ нужно искать его?

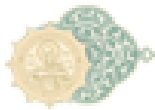
~ ~ ~

(Публичное чтеніе, предложенное въ Кіевскомъ Ообществѣ просвѣщенія въ духѣ православной Церкви, 5 марта 1900 года въ заѣхъ Фундуку іевской женской гимназіи).

— — —

Другой разъ мы осмѣливаемся выступить съ словомъ предъ высокочтимымъ собраніемъ любителей духовно-религіозныхъ чтеній. Въ первый разъ мы обратили благосклонное вниманіе своихъ слушателей на премудраго и всеблагаго Промыслителя, держащаго въ своей десницѣ судьбы міра и чело-вѣка, и все направляющаго ко благу и спасенію нашему. Нынѣ мы хотимъ обратиться своею мыслию къ вамъ самимъ, къ вашему собственному сердцу, полному желаній. и здѣсь думаемъ найти пунктъ или предметъ, о которомъ, можетъ быть, будетъ не безынтересно побесѣдовать намъ.

Я позволяю себѣ спросить васъ: какое самое главное желаніе ваше т. е., и ваше и мое, и всѣхъ прочихъ людей. знаемыхъ и незнаемыхъ нами? Конечно, я не ошибусь, если скажу: первое и самое главное желаніе, живущее въ нашей душѣ,—это желаніе счастія. Оно вложено въ насъ вмѣстѣ съ дыханіемъ жизни, и, кроясь въ глубинѣ нашего существа, постоянно проторгается наверхъ и, можно сказать, ни на одну минуту не оставляетъ насъ; оно наполняетъ наши помыслы,

направляетъ нашу волю, и всѣ наши рѣшенія и дѣйствія стоятъ въ связи съ этимъ желаніемъ, руководителемъ и двигателемъ нашимъ. Желая счастья себѣ и стремясь къ нему со всѣмъ усиліемъ, мы желаемъ счастья и другимъ, близкимъ къ намъ, людямъ, и въ общественномъ быту, при взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ, болѣе всего слышится пожеланій счастья; ими обмѣниваются между собою родственники, друзья и знакомые, въ особенности въ знаменательные дни жизни.—при началѣ новолѣтія, при семейныхъ торжествахъ и вступленіи на какое-либо новое поприще жизни, при встрѣчахъ и разлукахъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Никто не отнесется съ осужденіемъ къ этому желанію, нась всѣхъ одушевляющему. Оно посяно въ насъ творческою Десницею. Для счастья и блаженства всеблагой Творецъ воззвалъ къ бытію насъ, равно какъ и другихъ тварей, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ силы и средства къ достиженію цѣли, намъ указанной. Много потребностей и стремленій въ душѣ нашей, и ни одного стремленія нѣтъ напраснаго, то есть, такого, которое бы только беспокоило насъ, и которому бы мы не могли найти удовлетворенія. Премудрый и всеблагой Творецъ не хотѣлъ, (скажемъ) даже не могъ ставить любезныя Ему творенія въ безысходное противорѣчіе, т. е., указать имъ цѣль жизни—благо, и не дать средствъ къ достиженію этого блага. Когда Богъ, по твореніи міра и человѣка, обозрѣлъ все, созданное Имъ, Онъ нашелъ, что *вся, елика сотвори, се добра зыло* (Быт. 1, 31). Жизнь наша, по намѣренію Творца, должна состоять въ спокойномъ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ потребностей и стремленій помощію богодарованныхъ намъ силъ и средствъ, а такое теченіе жизни и составляетъ то счастье и благо, которое является предметомъ нашихъ желаній.

И христіанство утверждаетъ и освящаетъ это наше общее и коренное желаніе. Припомните, какое первое слово вышло

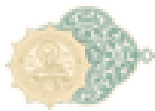

изъ устъ небеснаго Учителя, явившагося въ нашъ міръ. Словомъ о блаженствѣ, словомъ о томъ, кто можетъ достигнуть блаженства или истиннаго счастья, начинается свою проповѣдь Господь Іисусъ Христосъ, отвѣчая общему стремленію, замѣчаемому въ человечествѣ (Матт. V. 1—12), и при видѣ бѣдствій, удручающихъ человѣческій родъ. Онъ возвѣщаетъ наступленіе новаго лѣта благоприятнаго (Лук. IV, 18—19), когда разсѣется туча бѣдствій, носящаяся надъ нашими головами. Всѣ божественныя обѣтованія, какими наполнены священныя книги, заключаются въ томъ, что указываютъ намъ источникъ истинныхъ, непреходящихъ наслажденій, и побуждаютъ насъ приблизиться къ этому источнику и черпать изъ него живую воду, утоляющую нашу духовную жажду и улаждающую все существо наше.

Но что мы видимъ въ жизни? Гдѣ то счастье, стремленіе къ которому вложено въ нашу душу, и которое составляетъ предметъ нашихъ постоянныхъ исканій? Оно точно райская птичка, порхающая надъ нашими головами и предъ нашимъ взоромъ. Мы видимъ ее, гоняемся за ней, но не можемъ уловить ее. Она манитъ насъ къ себѣ, иногда близко, очень близко летаетъ передъ нами и почти касается насъ крыломъ своимъ, но когда мы хотимъ схватить ее, она вдругъ далеко взвизываетъ отъ насъ въ небесныя пространства, и мы остаемся разочарованными и недовольными. „Гоняясь за счастьемъ (говоритъ св. Григорій Богословъ ¹⁾), мы хотимъ хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое, ловить тѣнь и сжимать ее руками, простираетъ длани къ туману и осязать его.... Человѣческое счастье подобно самымъ непримѣтнымъ слѣдамъ корабля, которые нарѣзываются спереди и исчезаютъ сзади“.

— — — — —

¹⁾ Св. Григорія Богослова стихи о самомъ себѣ. Твор. св. Григорія Богослова т. IV, стр. 281

Бѣдный человѣкъ (скажемъ словами поэта)

Всегда куда-то вдаль стремится.

Всегда въ желанья погружонъ,

То съ неба звѣздъ желаетъ онъ,

То хочетъ счастьемъ насладиться

И до могилы такъ томится¹⁾.

Знаете ли вы, укажете ли вы такого человѣка, который бы считалъ себя вполне счастливымъ и не желалъ себѣ лучшихъ дней? Фантазія великаго поэта воспроизвела искателя земнаго счастья въ лицѣ извѣстнаго Фауста. Искалъ онъ въ жизни наслажденій, и ни одного мгновенія не могъ найти такого, когда бы могъ воскликнуть: „Мгновеніе.

Прекрасно ты,—продлись, постой“²⁾.

И самъ поэтъ, поставленный, повидимому, въ самыя благопріятныя условія жизни, къ себѣ самому относить то, что онъ влагаешь въ уста своего героя. Онъ всюду искалъ счастья, пускался во все стези жизни, и каждый разъ (сознается онъ) возвращался еще болѣе недовольный и измученный.

Гдѣ же разгадка этого тяжелаго, насущнаго вопроса нашей жизни? Гдѣ искать разрѣшенія такого противорѣчія между нашими исконными стремленіями и суровою дѣйствительностію, не дающею удовлетворенія нашимъ законнымъ стремленіямъ? Силилась разсѣять туманъ, облегаяцій эту загадку, философія, и въ лицѣ лучшихъ умовъ приближалась къ вратамъ истины, но не могла войти въ самое святилище ея, а въ лицѣ другихъ,—и большинства,—совершенно изнемогала. не умѣя найти руководящей нити къ разрѣшенію тяжелаго вопроса. Бралась изображать пути, ведущіе къ счастью, поэзія, и давала одинъ пустой призракъ счастья, или тамъ, гдѣ

---

¹⁾ Фаустъ Гете. Собраніе сочиненій Гете, изданныхъ подъ редакціей Гербея, т. II, стр. 12.

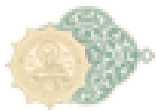
²⁾ Тамъ же, стр. 55.

думала найти счастье, находила страдание и горе, и скорбнымъ трагическимъ плачемъ заключала свои исканія.

Мы не послѣдуемъ ни за философіею, ни за поэзіею въ разрѣшеніи тяжелаго вопроса, хотя, можетъ быть, для васъ было бы интереснѣе, если бы мы разсыпали предъ вами замѣтованные отсюда пестрые и яркіе цвѣты, какихъ много можно найти въ литературѣ прошедшихъ вѣковъ. Намъ, служителямъ божественной истины, хранимой Церковію, вы позволите взять для себя руководительную нить въ неложномъ словѣ Божіемъ и его толкованіи богомудрыми мужами. чтимымъ всѣмъ христіанствомъ.

Это слово Божіе говоритъ намъ, что желаніе счастья не праздная мечта, раздражающая и обольщающая нашу душу. Всеблаготворецъ (повторимъ мы) не могъ дать намъ обманчивыхъ желаній, не могъ заставить насъ истощать свои силы въ напрасныхъ усиліяхъ, не могущихъ увѣнчаться успѣхомъ. Память народовъ хранитъ преданія о золотомъ вѣкѣ или о раѣ, живя въ которомъ люди не знали никакихъ, удручающихъ насъ нынѣ, заботъ и безпокойствъ, и наслаждались жизнію, получая полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, и не нося никакой тяжести на душѣ своей. Но рай утерянъ нами, и вы знаете, когда и какъ. Закрылись для насъ двери этого рая, и мы бродимъ съ безпокойнымъ взоромъ по этой землѣ, которая сдѣлалась для насъ юдолюю плача и страданій,—хотимъ опять возвратиться въ рай и неослабно стремимся къ тому, но не знаемъ, не находимъ прямого пути, ведущаго къ этому раю, и потому часто заблуждаемся, и вмѣсто того, чтобы приближаться къ нему, весьма и весьма нерѣдко только удаляемся отъ него. Утѣшеніемъ намъ можетъ быть то, что, утеравъ счастье, намъ дарованное Богомъ, мы не предоставлены своей злосчастной судьбѣ, и намъ не слѣдуетъ смотрѣть на себя и на міръ съ горькимъ отчаяніемъ. Намъ обѣтовано, намъ приготовлено счастье или блаженство

въ будущемъ, въ той вѣчной жизни, которая ожидаетъ насъ послѣ нашего отшествія отсюда.

Но одно счастье потеряно; другое только ожидаетъ насъ, и когда-то мы войдемъ въ обладаніе имъ. А въ настоящемъ? А въ здѣшней кратковременной жизни? Ужели мы должны жить только воспоминаніями о счастіи и ожиданіями его?... Какъ ни горько, какъ ни тяжело это,—но мы видимъ и должны признать, что полное невозмутимое счастье не есть удѣлъ здѣшней жизни нашей. Не отъ Бога такая судьба наша, а отъ насъ самихъ.

Такъ, недостижимо для насъ полное невозмутимое счастье на землѣ. Земля наша, на которой живемъ мы, точно пустыня, по которой шли израильтяне къ землѣ обѣтованія: но и здѣсь, во время нашего странствованія по этой пустынѣ бытія къ землѣ обѣтованія, къ блаженнымъ обителямъ, намъ уготованнымъ, мы можемъ находить покой душевный, можемъ имѣть не минуты только радости, но дни и годы внутренняго довольства.. Мы только не тамъ ищемъ возможное здѣсь для насъ счастье, и потому напрасно томимъ себя, стремясь за обманчивыми призраками счастья.

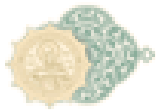
Гдѣ обыкновенно ищутъ счастья? Въ нашъ матеріальный вѣкъ (да и въ нашъ ли только?) полагаютъ счастье въ богатствѣ, и всѣ усилія употребляютъ на снисканіе матеріальныхъ средствъ жизни, а потомъ ихъ увеличеніе. Хотя народная мудрость говоритъ, что „не въ деньгахъ счастье“, но, вопреки этому приговору народной мудрости, у всѣхъ на умѣ такая тайная мысль, что счастливъ тотъ, у кого много денегъ, и кто располагаетъ богатыми средствами для удовлетворенія своихъ желаній и для доставленія себѣ разныхъ удовольствій. Потому посмотрите, какая у всѣхъ неудержимая погоня за деньгами. При видѣ этой общей погони за деньгами, одинъ святой отецъ живописно представляетъ, какъ пзъ нея образуется „великій костеръ, нами возжигаемый, пламя котораго достигаетъ самыхъ облаковъ. Никто ни тушитъ этого пламени,

а раздуваютъ всё, какъ тѣ, которые уже плѣнены, т. е. приобрѣли богатство, такъ и тѣ, которые еще не плѣнены, чтобы быть плѣнными. Каждый можетъ видѣть, какъ всё,—и мужчина и женщина, и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, каждый по своимъ силамъ, день и ночь несутъ бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дровъ и хвороста, но душъ и тѣлъ, даже часто неправды и беззаконія. Богатые никогда не оставляютъ этой страсти, хотя бы овладѣли всею вселенною, а бѣдные стараются сравняться съ ними, и какое-то неизлѣчимое соревнованіе и неисцѣлимая бользнь объемлетъ души всѣхъ. Всякую другую любовь преодолѣла эта любовь и изгнала вонъ изъ души“¹⁾. Полагаю, что всё вы признаете вѣрность дѣйствительности картины, нарисованной святымъ отцомъ. Но мы не хотимъ призывать грома строгаго суда на стремленіе къ деньгамъ, всѣхъ объявшее. При нынѣшнихъ условіяхъ нашей жизни это возжиганіе пламени костра, это стремленіе челоуѣка къ увеличенію своихъ матеріальныхъ достатковъ требуетъ отъ него служенія себѣ; оно возникаетъ изъ вложеннаго въ насъ инстинкта самосохраненія. Конечно, лучше имѣть достатокъ во всемъ, чѣмъ нищенствовать. И Господь въ изобиліи разсыпаетъ дары свои во вселенной, чтобы собирали ихъ и пользовались ими. Имѣемъ мы достатокъ,—удовлетворены наши нужды, назойливый голосъ которыхъ постоянно раздается предъ нами. И при деньгахъ мы лучше можемъ обставить свою внѣшнюю жизнь. Далѣе, въ рукахъ добраго христіански-настроеннаго челоуѣка деньги—средство для благотворенія, для покрытія нуждъ другихъ нашихъ собратій и снисканія ихъ благодарности, и вмѣстѣ и для благоугожденія Богу. Никто изъ насъ, имѣющихъ приличный достатокъ, не пожелалъ бы,—и совершенно законно,—промѣнять свое положеніе на положеніе бѣдняка,

---

¹⁾ Слово св. Іоанна Златоуста о томъ, что кто самъ себѣ не вредить, тому никто вредить не можетъ. Теор. св. Іоанна Златоуста т. III, кн. 2, стр. 482.

покрытаго рубищемъ, не имѣющаго для себя довольной пищи и принужденнаго искать подаянія у другихъ, чтобы какъ нибудь нести бремя жизни.

Но не смотря на все это, владѣніе богатствомъ, хотя бы и миллионнымъ, не составляетъ того счастья, о которомъ тоскуетъ и котораго ищетъ человѣкъ, и которое могло бы доставить ему полное удовлетвореніе всѣхъ его желаній. Пусть богачъ владѣетъ горами золота, которыхъ онъ не можетъ израсходовать на свои не только нужды, но и прихоти. Онъ смотритъ на нихъ, пожалуй, съ услажденіемъ. Но незримый духъ, въ немъ самомъ скрывающійся, внушительно говоритъ ему: „не здѣсь наше счастье, не въ этихъ горахъ золота и драгоценныхъ камней“.

Вѣдь мы сыны небесъ и рая (скажемъ опять словами поэта):

Насытитъ ли насъ красота земная?

. . . . .

Ахъ, двѣ души въ груди моей больной,
Другъ другу чужды— и жаждутъ раздѣленья.

Изъ нихъ одной мила земля,—
И здѣсь ей любо въ этомъ мірѣ,
Другой—небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эфирѣ¹⁾

И вотъ, когда сыта, полна душа земная, — другая душа, которую усладить могутъ только небесныя поля, можетъ пѣтаевать голодомъ и жаждою.

Недавно, въ январской книжкѣ одного изъ нашихъ журналовъ за настоящій годъ, намъ пришлось прочесть признаніе одного несмѣтнаго богача, не знающаго конца своимъ владѣніямъ. „Много денегъ у меня (говорилъ онъ): много лѣсовъ, луговъ и всякихъ владѣній; но ни на что мнѣ не

---

¹⁾ Фаустъ, Гете. Собр. сочиненій Гете, т. II, стр. 13. 36—37

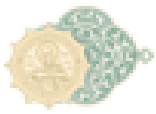
хочется смотреть. Тяжело мнѣ. Днемъ и ночью гложетъ меня какая-то тоска. Я не знаю, что предпринимать и куда дѣваться. Я заблудился и не знаю для себя выхода, заблудился среди бѣлаго дня“ ¹⁾... Такое признаніе дѣлалъ богачъ своимъ спутникамъ въ дорогѣ, направляясь къ о. Іоанну Кронштадтскому, котораго онъ хотѣлъ просить, чтобы онъ утолилъ какъ нибудь томящую его алчбу и жажду души его.

Но зачѣмъ намъ приводить признанія людей малоизвѣстныхъ, которымъ вы можете не придавать значенія, когда у насъ есть непререкаемое свидѣтельство на то, что богатство не даетъ удовлетворенія душѣ нашей? Это свидѣтельство древняго боговдохновеннаго мудреца Соломона. Онъ окружилъ себя вѣсѣмъ обиліемъ и все испыталъ,—построилъ себѣ дома, устроилъ сады и рощи, насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья, приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ; крупнаго и мелкаго скота у него было больше, чѣмъ у всѣхъ, бывшихъ прежде него въ Іерусалимѣ; собралъ онъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и сдѣлался великимъ и богатымъ больше всѣхъ (Еккл. II, 4—10). Что же? Чего желать еще больше? Повидимому. Соломонъ достигъ вершины счастія? Но нѣтъ.—не насытилась душа его вѣсѣмъ этимъ; не нашелъ онъ удовлетворенія во всѣхъ утѣхахъ, какими окружилъ себя. *Оглянулся я (говоритъ онъ) на всѣ дѣла мои и на трудъ, который трудился,—и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣтъ изобилія подъ солнцемъ*, которое бы дало полное успокоеніе душѣ нашей (Еккл. II. 11).

Богатство не цѣль, не конечное благо, овладѣвъ которымъ можно успокоиться. Оно средство, простое орудіе, которымъ можно пользоваться для удовлетворенія потребностей житейскихъ, и которымъ въ то же время можно злоупотреблять, и

---

¹⁾ Богословскій Вѣстникъ, январь, 1900, стр. 113.

въ этомъ случаѣ оно не приблизить насъ къ счастію, а скорѣе удалить отъ него. Деньги, которыми многіе измѣряютъ счастіе людей,—вещь по отношенію къ намъ внѣшняя и мертвая, а счастіе, нами искомое, можетъ быть созидаемо и ощущаемо только внутри насъ, въ нашемъ сердцѣ. Оно состоитъ въ благомъ и невозмутимомъ настроеніи души. Деньги наполняютъ нашъ карманъ, пожалуй, наши сундуки, а души наполнить не могутъ. Мы можемъ пріобрѣсть весь міръ, а на душѣ при этомъ можетъ быть пусто, скучно и невыносимо тяжело. и неудовлетворенное чувство, какъ камень, будетъ давить ее. *Кая польза человеку (говоритъ Господь), аще міръ весь пріобръщетъ, душу же свою отичити* (Марк. VIII, 36)? Деньги вещь условная. Въ раю человекъ пользовался полнымъ счастіемъ, былъ блаженъ; но тогда денегъ не было. Безъ нихъ онъ владѣлъ довольствомъ, и жизнь его текла тихимъ, невозмутимымъ потокомъ. И въ будущей жизни, гдѣ обѣтовано намъ вѣчное блаженство, конечно, денегъ не будетъ. Евангельская проповѣдь, начинающаяся словомъ о блаженствѣ, или счастіи, блаженными и счастливыми называетъ не богатыхъ, а нищихъ духомъ, не роскошествующихъ, а алчущихъ и жаждущихъ правды (Матт. V, 3—6). Иной человекъ, одѣтый въ скромную, даже бѣдную одежду и питающійся самою простою пищею, бываетъ довольнѣе и счастливѣе роскошнаго богача, не знающаго счета своимъ сокровищамъ и позволяющаго себѣ всѣ земныя наслажденія. Счастіе измѣряется не внѣшнимъ богатствомъ, а внутреннимъ содержаніемъ или богатствомъ душевнымъ. Чтобы нагляднѣе показать это, возьмемъ для сравненія картину. Если картина написана дурно, дорогая золотая рама, въ которую бы вы вложили ее, не сдѣлаетъ ее прекрасною. А богатство тоже для человека, что золотая рама для картины. Если скудно внутреннее содержаніе богача, его вовсе нельзя назвать счастливымъ. Говоримъ это не мы, а св. Іоаннъ

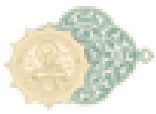

Златоустъ. „Вы видите (говорить онъ) ¹⁾ богатаго и знатнаго человѣка, ѣдущаго въ великолѣпномъ экипажѣ на быстрыхъ коняхъ, и считаете его счастливымъ. Почему? Потому что у него чудный конь съ позлащенной уздой, что у него много слугъ, что онъ одѣтъ въ свѣтлую одежду и безмѣрно ушмивается и роскошествуетъ каждый день? Но по этому онъ несчастенъ и жалокъ. Я вижу, что въ немъ самомъ вы ничего не можете похвалить, а хвалите все внѣ его,—коня, узду, одежду; а все это не онъ. Чтоже, скажи мнѣ, можетъ быть горестнѣе того, когда конь его, узда коня, красота одежды и тѣлесное благообразіе возбуждаютъ удивленіе, а въ немъ самомъ не находится ничего похвальнаго? Кто можетъ быть бѣднѣе того человѣка, который не имѣетъ никакого собственнаго добра, но украшается всѣмъ чужимъ“?

При томъ возьмите во вниманіе, какъ безсильно богатство предохранить насъ отъ бѣдъ, преслѣдующихъ насъ по пятамъ. Веселится богачъ, переходитъ отъ одного удовольствія къ другому. Вы завидуете ему, но удары судьбы, неожиданно-негаданно, подкрадываются къ нему, и пропасть призракъ счастья. Его поражаетъ болѣзнь, и всѣ избытки его сокровищъ не даютъ ему облегченія. Смерть вторгается въ его чертоги и похищаетъ близкихъ ему, дорогихъ его сердцу,—и слезы льются у него рѣкою. Врагъ человѣкъ съѣтъ сѣмя раздора и вражды среди обладателей сокровища, и часто самое богатство, изъ-за котораго бьются люди, служитъ источникомъ такого раздора, и тогда непріятности отъ обладанія богатствомъ пересиливаютъ и совершенно изгоняютъ его пріятности. Какое-либо неудачное предпріятіе богача, обманъ или насиліе злыхъ людей, случайное стихійное бѣдствіе или взрывы общественно-политическихъ страстей во время войны или междоусобія,—и вдругъ исчезаетъ богатство, собранное съ боль-

---

¹⁾ Слово на новый годъ. Творенія св. Іоанна Златоуста т. I, кн. 2, стр. 763

шимъ трудомъ или доставшееся по наслѣдству. И тогда сколько безпокойствъ и огорченій! Наконецъ, предъ глазами грозный образъ смерти, которая не знаетъ и никому не даетъ пощады. Сверкнетъ она своей косою, и слѣда нѣтъ того счастія, на которое съ завистію смотрѣли многіе. И вотъ—

Гдѣ роскошь пышная была.

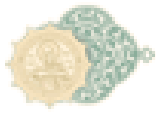
Тамъ будетъ пепель и зола.

Во времена патріархальныя былъ богачъ, благословенный Богомъ, ущедренный отъ Него обиліемъ благъ земныхъ,—говоримъ о праведномъ Іовѣ. И вотъ среди невозмутимаго, повидному, благоденствія, поражаетъ его одна бѣда за другою, за тяжкою еще болѣе тяжкая. Одинъ вѣстникъ является и говоритъ: *волы орали, и ослицы наслись подлѣ нихъ, какъ напали савяне, и взяли ихъ, и отроковъ поразили остріемъ печа, и спасся только я одинъ*. Не успѣлъ онъ кончить свой рассказъ, какъ является другой вѣстникъ и сказываетъ: *огонь Божій упалъ съ неба, и опалилъ овецъ и отроковъ и пожралъ ихъ, и спасся только я одинъ*. Еще онъ говоритъ, какъ приходитъ третій и возвыщаетъ: *халдеи напали на верблудовъ и взяли ихъ, и отроковъ поразили остріемъ печа, и спасся только я одинъ*. Затѣмъ является четвертый съ такою вѣстію: *сыновья твои и дочери твои ѣли и пили вино въ доль первороднаго брата своего, и вотъ большой вѣтеръ пришелъ отъ пустыни и охватилъ четыре угла дома, и доль упалъ на отроковъ, и они уперли*. Этого мало. Сатана поразилъ праведника еще проказою лютою, отъ подошвы ноги по самое темя его, и взялъ онъ себѣ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепель внѣ селенія, и не было у него утѣшителя (Іов. I, 14—19. II, 7—10). Къ нашему вразумленію сохранена въ священныя книги исторія этого богатаго праведника, чтобы мы видѣли изъ нея, какъ

хрупо и зыбко то счастье, которое мы полагаемъ въ богатствѣ. Одно мгновеніе, одно неблагопріятное дуновеніе вѣтра,— и нѣтъ въ рукахъ нашихъ тѣхъ сокровищъ, обладателями которыхъ мы были. Пусть многіе богачи не думаютъ объ этой превратности судьбы, и съ спокойною безпечностью предаются своимъ наслажденіямъ. При мысли о такой безпечности иныхъ богачей намъ припоминается грозное предостерегающее слово пророка, обращенное къ современнымъ ему богачамъ. *Вы (говоритъ онъ), которые день бѣдствія считаете далеки, вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости, и нѣжитесь въ постеляхъ вашихъ, ѣдите лучшихъ овновъ изъ стада и тельцовъ изъ тучнаго пастбища, поете подъ звуки гуслей, пьете изъ чашъ вино, мажетеся наилучшими мастями...* За то нынѣ пойдутъ они въ плѣнъ во главѣ плѣнныхъ и кончится микование изнѣженныхъ (Амос. VI, 3—7). Это пророкъ говорилъ богатымъ первенцамъ Израиля, и сбылось въ свое время грозное его пророчество. Чертоги ихъ были разрушены, и городъ преданъ былъ въ руки враговъ, и имущіе потеряли все и сдѣлались хуже неимущихъ, страдали больше ихъ. Нынѣ нѣтъ для насъ опасности плѣна и разгрома отъ враговъ. Но развѣ одно это несчастье можетъ угрожать намъ? Бѣды очень разнообразны и онѣ, какъ Дамокловъ мечъ, висятъ надъ нашими головами, и могутъ обрушиться на насъ, когда мы считаемъ себя совершенно безопасными и застрахованными отъ нихъ. Считалъ себя счастливѣе всѣхъ извѣстный Крезъ, превосходившій своихъ современниковъ своимъ богатствомъ, но тяжелая судьба наложила на него свою руку,— и пропало его самообольщеніе: изъ перваго счастливца, какимъ онъ считалъ себя, онъ превратился въ несчастнѣйшаго изъ людей.

Не хотите ли послушать, какъ разсуждаетъ о богатствѣ, въ которомъ мы видимъ главное условіе земного счастья, великій христіанскій учитель, сгавравшійся проводить въ жизнь высокія начала евангельской истины, св. Іоаннъ Злато-

устъ? „Не говори (обращается онъ къ людямъ, обладающимъ большими матеріальными средствами), что ты имѣешь много благъ. Не называй эти вещи благомъ. Есть другія истинныя блага. Ничто изъ здѣшняго не есть благо, ни веселіе, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имѣеть только названіе блага. Что я говорю: имѣеть только названіе блага? Часто эти предметы бываютъ еще причиною нашей гибели... Настоящее—театръ; здѣшніе предметы—обманчивая внѣшность. и богатство, и бѣдность, и власть, и подвластность. и тому подобное. А когда закроется театръ, когда обманчивые виды будутъ брошены, тогда каждый будетъ судимъ со своими дѣлами, не съ богатствомъ, не со властью, не съ почестями и могуществомъ своимъ“¹⁾... „Богатство—бѣглый рабъ, переходящій отъ одного къ другому, свирѣпый тиранъ. властелинъ жесточе всякаго варвара. непріятель неумолимый, не прекращающій никогда своей вражды къ тѣмъ, которые владѣютъ имъ“²⁾.—Этого ли бѣглаго раба, переходящаго отъ одного къ другому, этого ли жестокаго властелина, увеличивающаго наши страхи и опасности, считать виновникомъ нашего счастія? У него ли искать успокоенія и радости, неразлучныхъ съ истиннымъ счастіемъ?

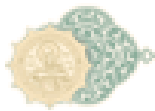
Или. можетъ быть, вы будете полагать счастіе въ веселой жизни. полной непрестающихъ удовольствій? Не кажется ли вамъ завиднымъ счастливцемъ евангельскій богачъ. веселившійся по вся дни свѣтло? Забудемъ о концѣ этой свѣтлой, веселой жизни, хотя этотъ конецъ дастъ ей настоящую цѣну. Посмотримъ на нее чисто съ земной точки зрѣнія, не заглядывая за ту грань, за которою взвѣшивается истинное достоинство всѣхъ человѣческихъ дѣяній и приобрѣтеній. Что же здѣсь представляется намъ? Вотъ роскошный

¹⁾ Бесѣда о Лазарѣ VII. Твор. св. Іоанна Злат. т. I, кн. 2, стр. 865, 847.

²⁾ Бес., говоренныя, когда Савуринъ и Авреліанъ были отправлены въ ссылку. и о сребролюбіи. Тв. I. 3 т. III, кн. 2, 431—2.

домъ, въ ночное время сіяющій блескомъ искусственныхъ огней, дающихъ свѣтъ ярче свѣта солнечнаго. Въ освѣщенныхъ окнахъ видны разряженные гости; слышна громкая музыка; несутся пары въ танцахъ; раздаются смѣхи и веселые разговоры; слышенъ звонъ бокаловъ... Хорошо здѣсь быть,—съ завистью скажетъ и подумаетъ иной трудящійся человѣкъ... Конечно, не каждый день можно бывать на такихъ свѣтлыхъ пирахъ и балахъ. Но за то иные каждый день или вечеръ являются въ увеселительныхъ садахъ или театрахъ. Ища здѣсь наслажденія душѣ своей. И вы думаете, что они нашли счастье въ этихъ увеселительныхъ собраніяхъ, въ этихъ шумныхъ приманкахъ, на которыя, какъ мотыльки на огонь, стекаются люди, не знающіе, чѣмъ наполнить праздные часы времени, даннаго намъ въ распоряженіе? Истинное счастье—капиталъ, въ душѣ хранимый и душу обогащающій. А эти увеселенія не собираютъ, а разсѣиваютъ душу: въ нихъ душа выходитъ вовнѣ, и, чувствуя свою внутреннюю пустоту, хочетъ чѣмъ нибудь наполнить себя. Но наполняетъ ли? Не расходуетъ ли она здѣсь, напротивъ, понапрасну свою силу и энергію? Правда, внѣшнее веселіе доставляетъ человѣку нѣкоторое пріятное раздраженіе. Но это раздраженіе, производимое внѣшними предметами, не можетъ быть постояннымъ. Прекратилось дѣйствіе на душу внѣшнихъ раздражающихъ предметовъ,—чувствуется пустота, утомленіе, скука. Опять человѣкъ стремится къ новому и новому раздраженію, подобно человѣку, пристрастившемуся къ вину, котораго разстроенный организмъ нудитъ прибѣгать къ новой и новой чаркѣ, чтобы угасить внутри горящій пламень. И когда человѣкъ, изо дня въ день, живетъ этою веселою, разсѣянною жизнію, обнищаетъ его душа; да и не одна душа, но и тѣлесный организмъ истощается и хирѣетъ. Присмотритесь къ окружающей васъ средѣ: болѣзни,—эти непріятныя спутницы нашей жизни,—впятаютъ не около трудящагося люда, ведущаго скромную и правильную жизнь, а бѣгутъ за тѣми.

которые предаются неумѣреннымъ увеселеніямъ, проводятъ безсонныя ночи въ пустыхъ развлеченіяхъ, и въ погонѣ за удовольствіями уклоняются отъ правильнаго образа жизни.

Вамъ кажется излишне жесткимъ и одностороннимъ такой взглядъ на веселую жизнь, плѣняющую и увлекающую многихъ? Призовемъ въ свидѣтели того же боговдохновеннаго мужа, на котораго мы указывали прежде, который испытать всѣ роды удовольствій,—и ни одно не доставило ему искомаго счастія, а вездѣ, во всѣхъ родахъ земныхъ удовольствій, онъ нашелъ тоску и томленіе духа. *Сказалъ я въ сердцѣ своемъ* (говоритъ онъ): *дай я испытаю тебя веселіемъ, и насладись добромъ: но и это суета. О слѣхъ* *сказалъ я: глупость! а о веселіи: что оно дѣлаетъ* (Еккл. 11. 1—2)? Съ такимъ вопросомъ, съ какимъ Екклѣзіастъ отнесся къ веселію, обращаются къ людямъ, которые забываются и по неосторожности или неосмотрительности позволяютъ себѣ что-либо несообразное съ своимъ достоинствомъ или опасное. Такимъ вопросомъ мудрый и боговдохновенный мужъ не хотѣлъ ли показать всю малоцѣнность нашего веселія,—даже болѣе, его несообразность съ нашимъ достоинствомъ и его опасность? Предаваясь веселію, мы только удаляемся отъ того пути, который ведетъ насъ къ счастію.

Или вотъ свидѣтельство человека отъ міра сего,—великаго поэта, создавшаго вѣковѣчную трагедію, гдѣ разрѣшается вопросъ о счастіи. Его герой цѣною души своей хотѣлъ купить счастіе, котораго ему не доставало, и увлекаемый злымъ демономъ, пустился на тѣ пути удовольствій и веселія, на которыя соблазнительно манили его призраки желаннаго счастія. И что же?

Потерялъ онъ средь жизненныхъ волненій

И чувства лучшія, и цвѣтъ своихъ стремленій ¹⁾).

---

¹⁾ Фаустъ. Соч. Гете. т. II, стр. 22.

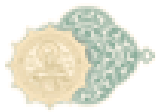
Тамъ, гдѣ мечтали онъ найти блаженство и счастье, вмѣсто раи наслажденій онъ нашелъ адъ терзаній и мученій.

Обратимся еще къ главѣ философовъ—Платону: у него мы встрѣчаемъ такой отзывъ объ удовольствіяхъ, за которыми мы гоняемся, думая найти въ нихъ удовлетвореніе себѣ. „Только черни (т. е. людямъ неразумнымъ), говоритъ онъ. удовольствіе кажется добромъ; это кажущееся добро; оно ни для кого не бываетъ достаточно. Всѣ ищутъ блага сущаго (настоящаго). А удовольствіе, за которымъ гоняются люди на открытомъ попринцѣ свѣта, и не истинно вовсе, и не чисто и есть лишь какакая-то тѣнь удовольствія. Всегда занимающіеся пирушками и тому подобнымъ несутся внизъ и такъ блуждаютъ во всю жизнь. Они не возносились къ истинно высокому и не наполнялись сущимъ (могущимъ насытить душу) и не вкушали твердаго и чистаго удовольствія, но подобно рогатому скоту всегда смотрятъ внизъ, и, наклонившись къ землѣ, пасутся за столами, откармливаются. Но душа ихъ, какъ дырявая бочка, „не наполняется ничѣмъ существеннымъ“¹⁾. Такое сужденіе Платонъ влагаетъ въ уста своего учителя Сократа въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, и когда Сократъ высказалъ такіа слова, его собесѣдникъ Главконъ замѣтилъ: „Ты Сократъ, изображаешь жизнь многихъ людей, какъ оракулъ“, чѣмъ вполне подтвердилъ истинность его сужденія.

Плѣняетъ многихъ слава и честь, могущество и власть, и здѣсь видятъ иныя желанное счастье человѣка. Но по намѣренію Божію, счастье должно быть общимъ достояніемъ нашимъ. А слава и власть достаются въ удѣлъ немногимъ. И что такое слава? Это—дымъ, разсѣивающійся надъ головою человѣка. Она не находитъ мѣста въ сердцѣ человѣка

---

¹⁾ Политика или государство. Кн. VI, 505. Кн. IX, 583, 586. Сочиненія Платона. въ переводѣ Карпова, ч. III, стр. 335—6. 465—6. 469—470

и не живетъ въ немъ, и не даетъ ему ничего существеннаго, а несется мимо него, какъ тѣнь отъ быстро летящаго предмета. Въ воздушныхъ пространствахъ разносится голосъ славы; предъ чужимъ слухомъ раздается онъ. А кто знаетъ, — можетъ быть, печали исполнено сердце того, имя котораго окружено славою? И какимъ тяжкимъ путемъ достигается этотъ разсѣивающійся звукъ славы! Напрягаются силы; истощается здоровье; потрачено много трудовъ, изнуренія и пота на пути, ведущемъ къ чести и славѣ, — и вотъ близокъ конецъ: главу труженика вѣнчаетъ ореолъ славы. Но онъ измученъ и не можетъ вкушать отъ славы того удовольствія, какое полагають подносить ему его попечители. *Всѣ дни его были скорби, и его труды безпокойство*, говоритъ Екклѣзіастъ; *даже и ночью сердце его не знало покоя* (Еккл. II, 23). Много славныхъ именъ записано въ исторіи, хотя они составляютъ рѣдкія единицы въ числѣ миллионѣвъ живущихъ на землѣ. Владѣтели этихъ именъ одарены были особенными талантами. Но когда жили они, чувствовали ли они въ глубинѣ души своей внутреннее довольство? Можетъ быть, они страдали больше простыхъ смертныхъ, которые жили и умерли въ безвѣстности? Имъ досталась слава; но эта слава досталась имъ, — по крайней мѣрѣ, весьма многимъ изъ нихъ, — только послѣ смерти. Мы справляемъ нынѣ торжественные юбилеи, чествуя славныхъ дѣятелей прежняго времени, и выражая тѣмъ признаніе великихъ заслугъ ихъ. Но что эти юбилеи для мертвыхъ? Мертвые, какъ срама не имутъ, такъ и вкушать славы не могутъ. Во время же жизни своей они несли тяготу, и великую тяготу, и многіе изъ ихъ современниковъ, — иногда даже большинство, — поносили ихъ и насмѣхались надъ ними за то, за что потомки окружаютъ ихъ имена честію и славою.

Вы завидуете людямъ, облеченнымъ полномочіями власти и занимающимъ мѣста на верху общественной іерархической лѣстницы? Мы признаемъ достоинство власти, возвышающей

человѣка, но не хотимъ считать людей счастливыми за то только, что въ ихъ рукахъ есть большая или меньшая доля власти. Смотрите не на внѣшнее положеніе человѣка, а на его внутреннюю жизнь. Если мы спросимъ, у кого больше спокойныхъ, довольныхъ минутъ,—у человѣка ли власти, стоящаго высоко на общественной лѣстницѣ, или у человѣка подчиненнаго, то едва ли вы рѣшитесь утверждать, что у перваго ихъ больше, чѣмъ у втораго. Власть возвышаетъ внѣшнее положеніе человѣка въ обществѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ бремя, на него возлагаемое. увеличиваетъ заботы его и расширяетъ кругъ его дѣятельности, для котораго требуется больше напряженія силъ, если не физическихъ, то умственныхъ, больше осмотрительности и осторожности, больше внимательности къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ. Человѣкъ подчиненный, несущій скромную долю, заботится только о себѣ и отвѣчаетъ только за себя. А человѣкъ власти отвѣчаетъ не за себя только, но и за другихъ, на которыхъ простирается его власть. Стоитъ на вершинѣ огнь: дуютъ вѣтры, безъ которыхъ не обходится жизненная атмосфера, и эти вѣтры наиболее сильный напоръ дѣлаютъ на тѣхъ, которые стоятъ на вершинѣ и потому менѣе другихъ защищены отъ вихрей и вѣтровъ. А человѣкъ подчиненный, какъ дерево, растущее въ тихой долинѣ, защищенной горами, спокойно пользуется своею скромною долею, и его не беспокоятъ и не колеблутъ вихри, бушующіе на вершинахъ. Смотрѣніе Божіе удивительнымъ образомъ уравниваетъ жребіи человѣческіе. Вотъ оно одного вознесло на верхъ власти, но „замѣтъ (говоритъ блаженный Оеодоритъ), что оно со властію сопрягло заботы, жребіемъ его назначило бдительность и удѣлило ему многія болѣзни“, отъ чего болѣе или менѣе свободенъ подчиненный. Люди, живущіе въ подчиненіи, жалуются на трудъ, часто ихъ изнуряющій. „Обрати вниманіе (говоритъ тотъ-же блаж. Оеодоритъ), что многіе изъ господъ трудятся не меньше слугъ, лучше же сказать,

гораздо ихъ больше, если и заботы причислить къ дѣламъ... Если же трудъ общее дѣло рабовъ и господъ, а забота исключительное дѣло господъ, то почему избавленныхъ отъ заботъ не признаешь блаженными, а напротивъ, счастливыми называешь тѣхъ, которые обременены заботами?“¹⁾— „Да что говорить о другихъ властяхъ (говорить св. Іоаннъ Златоустъ)? Если мы взойдемъ мыслію до самаго царскаго сана, то найдемъ, что живущій въ семъ санѣ окруженъ множествомъ огорченій, и тѣмъ болѣе имѣетъ неизбѣжныхъ поводовъ къ скорби, чѣмъ большимъ занять онъ количествомъ дѣлъ. Не чего уже говорить о войнахъ, сраженіяхъ и нападеніяхъ варваровъ: царь часто боится даже домашнихъ своихъ (когда сыны беззаконія всякими средствами замышляютъ озлобити его)... А поводовъ къ печали у царей столько, сколько волнъ у моря. Итакъ, если и царскій санъ не дѣлаетъ жизнь безпечальною, что же другое можетъ сдѣлать это? Изъ житейскаго ничто“²⁾.

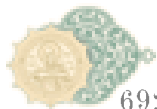
Есть еще одно пріобрѣтеніе, овладѣвшіе которымъ, по-видимому, имѣютъ въ своихъ рукахъ ключъ къ храму счастья. Не поискать ли намъ счастья въ мудрости? Философъ Платонъ самую счастливою жизнію считаетъ жизнь мудреца³⁾. Слѣдуя ему, не назовемъ ли мы счастливымъ челоуѣка, владѣющаго обильными знаніями, измѣряющаго глубину моря и высоту небесъ, и проникающаго своимъ взоромъ сквозь туманный покровъ грубой матеріи? Да, кто станетъ отрицать высокое значеніе мудрости? Одинъ святой отецъ Церкви, въ свое время прилагавшій большія усилія къ снисканію мудрости, въ мудрости видитъ одно изъ главныхъ достоинствъ

---

¹⁾ Слово о Промыслѣ Божіемъ 7-е. Творенія блж. Θεодорита т. V, стр. 289—293.

²⁾ Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. Іоанна Златоуст. т. II, кн. 1. стр. 201.

³⁾ Политика или государство. Кн. IX. 583. Твор. Плат. ч. III, 465—6.

человѣка. „Полагаю, говорить св. Григорій Богословъ“ ¹⁾. хваля за ученость своего друга Василя Великаго, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость. Въ священныхъ книгахъ (книгъ Іова (XXVIII, 17—18), книгъ Притчей (XV, 11. 19) и книгъ Премудрости Соломоновой (VIII, 8—14), мы встрѣчаемъ много такихъ мѣстъ, въ которыхъ указывается высокое достоинство блага мудрости, по которому она превосходитъ всѣ другіе дары, какими мы пользуемся въ жизни, для ея украшенія. *Лучше премудрость ка.ценей многоцѣнныхъ* (говоритъ Премудрый), *всякое же честное недостойно ея есть*, то есть, ничто изъ желаемаго не сравнится съ нею (Притч. VIII, 11). *Все злато предъ нею песокъ малый, и яко брѣно вѣшится предъ нею сребро* (Прем. Сол. VIII, 9). И намъ ли, служителямъ мудрости, весь свой вѣкъ проводящимъ въ приобрѣтеніи и умноженіи познаній и сообщеніи приобрѣтенныхъ познаній другимъ, умалять значеніе мудрости? Мы высоко цѣнимъ ее, и по тому всѣ силы уногребляемъ для ея снисканія.

Но при всемъ признаніи высокой цѣны мудрости, мы не можемъ сказать, чтобы она доставляла счастье человѣку, — то счастье, овладѣвъ которымъ онъ чувствовалъ бы себя вполне довольнымъ и удовлетвореннымъ. Мудрость великое благо. Но гдѣ та мудрость, достигнувъ которой человѣкъ могъ бы сказать: довольно; я все узналъ и могу успокоиться приобрѣтеннымъ знаніемъ. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, — говоритъ народная пословица. Какъ бы ни была продолжительна жизнь наша, и съ какимъ бы раченіемъ мы ни стремились къ мудрости, — мы не успѣемъ войти въ самое святилище, гдѣ витаетъ она, а только болѣе или менѣе будемъ приближаться къ нему. „*At longa, vita brevis*“, — говоритъ другая, латинская, пословица, равносильная по смыслу только что при-

---

¹⁾ Надгробное слово Василю, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія. Творенія св. Григорія Богослова, ч. IV, стр. 63

веденной нами пословицѣ русской. Съ малыхъ лѣтъ стремится человекъ къ мудрости, ведомы къ ней сначала другими, успѣвшими болѣе ознакомиться съ нею, потомъ, съ большимъ или меньшимъ усердіемъ, самостоятельно трудится для ея приобрѣтенія, иногда напрягаетъ всѣ силы, проводить безсонныя ночи. не щадитъ своего здоровья, чтобы только умножить свои знанія. Но чѣмъ далѣе идетъ онъ въ погоню за мудростію, тѣмъ далѣе она, казавшаяся прежде близкою, удаляется отъ него. Чѣмъ выше поднимается человекъ по ступенямъ знанія, тѣмъ болѣе открывается предъ нимъ необозримыхъ горизонтовъ, тѣмъ болѣе возникаетъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, подавляющихъ его мысль, и онъ, послѣ долгихъ напряженныхъ усилій овладѣть всѣмъ достояніемъ мудрости, съ глубокою грустью долженъ сказать самому себѣ: нѣтъ, нѣтъ у меня такихъ крылъ, чтобы долетѣть до престола, на которомъ возсѣдаетъ мудрость. Чѣмъ больше мы будемъ смотрѣть на солнце, тѣмъ больше оно будетъ поражать нашъ глазъ, и его сіяніе можетъ совершенно ослѣпить насъ, если мы не уклонимся въ сторону отъ его блеска; такъ точно поражаетъ насъ и приводитъ въ изумленіе свѣтъ истины, къ которому хочетъ приблизиться мудрый. Потому тѣ люди, которыхъ свѣтъ считаетъ особенно мудрыми, выражали смиренное и вмѣстѣ горькое сознаніе въ невозможности овладѣть полною мудрости. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ древности, достигши, повидимому, верха доступнаго человеку знанія, сознавался въ своемъ неудовлетворенномъ стремленіи къ знанію и слишкомъ сильно выражалъ по этому случаю свое безсиліе, говоря такъ: „я знаю то, что ничего не знаю“. Вотъ до какого результата, до какого печальнаго конца дошелъ великій умъ, всю жизнь посвятившій исканію мудрости. Въ новое время такое же сознаніе въ тщетѣ усилій овладѣть мудростію и чрезъ то достигнутаго счастія выразилъ тотъ поэтъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали, и который изобра-

жалъ героя. желавшаго извѣдать всѣ средства, ведущія къ счастью.

„И философію постигъ (говорить герой его).

Я сталъ юристомъ, сталъ врачомъ.

Увы. съ усердьемъ и трудомъ

Я все узнать. во все проникъ.

И не умнѣй я подъ конецъ,

Чѣмъ прежде: жалкій я глупецъ,

Магистръ и докторъ я—ужь вотъ

Тому пошелъ десятый годъ.

. . . . .

И вижу все. что не дало намъ знанья.

Изныла грудь отъ жгучаго страданья.

Да. вижу. что напрасно я собралъ

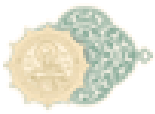
Сокровища познанія людскаго...

Ни на волосъ не выше я, не ниже,

И къ безконечному не ближе“ ¹⁾.

Вамъ нужны свидѣтельства болѣе вѣсныя, подкрѣпленныя авторитетомъ не земнымъ, божественнымъ? Вотъ Іовъ, цѣнящій мудрость выше рубиновъ и топазовъ эіопскихъ и ставящій ни во что предъ нею чистое золото (Іов. XXVІІІ. 17—19), всюду ищетъ ея и не находитъ. Гдѣ она (спрашиваетъ онъ)? Гдѣ мѣсто разума? Нѣтъ ея на землѣ живыхъ. Бездна говоритъ: не во мнѣ она; и море говоритъ: не у меня (она). Откуда же исходитъ премудрость? И гдѣ мѣсто разума? Скрыта она отъ очей всего живущаго, и отъ птицъ небесныхъ утаена. Аваддонъ и смерть говорятъ: ушами нашими слышали мы слухъ о ней. Богъ знаетъ путь ея. и Онъ (одипъ Онъ) вѣдаетъ мѣсто ея. Ибо Онъ прозираетъ до концовъ земли, и видитъ подъ всѣмъ небомъ (Іов. XXVІІІ, 12—14. 20—24).—Или мудрейшій изъ царей Соломонъ. получившій отъ Бога особый,

¹⁾ Фаустъ Гете, въ переводѣ Холодковскаго, стр. 14.

чрезвычайный даръ разума... что онъ говоритъ о благѣ мудрости? *Предалъ я* (говоритъ онъ) *сердце мое толѣ*, чтобы изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подѣ неболю: это тяжелое занятіе далъ Богъ сыналю человѣческилю, чтобы они упражнялись въ немъ... *Говорилъ я съ сердцелю моимъ такъ*: вотъ я возвеличился и приобрѣлъ мудрости большіе всѣхъ, которые были прежде меня надѣ Иерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И *предалъ я сердце мое толѣ*, чтобы познать мудрость... и узналъ, что и это толѣленіе духа; потому что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ знанія, умножаетъ скорбь (Еккл. 1, 13. 16—18). Нашелъ я, что человекъ не можетъ постигнуть дѣла, которыя дѣлаются подѣ солнцелю. Сколько бы человекъ ни трудился въ изслѣдованіи, онъ все таки не можетъ постигнуть этого; и если бы какой мудрецъ сказалъ, что онъ уразумѣваетъ это,—напрасно, не возможетъ обрѣсти (Еккл. VIII, 17).

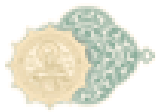
Приложивъ разумъ приложитъ болѣзнь или умножаетъ скорбь, говоритъ Екклесіастъ. Не одно то въ мудрости составляетъ недостатокъ счастія, что человекъ, стремящійся къ увеличенію знаній, никогда не найдетъ себѣ полного удовлетворенія. Есть другого рода скорбь отъ увеличенія мудрости. Человеку, достигшему въ сравненіи съ другими большей степени познаній, съ высоты его кругозора видны всѣ неурядица нашей жизни, всѣ тягости, удручающія нашу душу, всѣ болѣзни, какими страдаетъ человѣчество. И если онъ близко принимаетъ къ сердцу все то, что ведетъ къ гибели или приближаетъ къ пронасти ладью нашей жизни (а какой живой человекъ не приметъ этого къ сердцу?).—это создаетъ для него не мало безпокойствъ и страданій. Екклесіастъ выражаетъ горькое чувство, какое вызывается въ немъ его мудростію, именно потому, что ему вполне ясна та суета, за которою напрасно гоняются люди, видна ничто-

жностъ тѣхъ благъ, въ какихъ люди полагаютъ свое счастье. Сильное слово его является отраженіемъ той грусти, какую вызываетъ въ мудромъ созерцаніи той суеты, той безнадежной суетливости, какую наполнена жизнь смертныхъ.

Не найдемъ ли мы счастья земного подъ кровомъ тихаго семейнаго дома? О семейномъ счастьи такъ много говорятъ, и такъ много мечтаютъ, и такъ усиленно ищутъ его. И мы знаемъ, что семейный союзъ благословенъ Богомъ и устроенъ въ раю для нашего счастья, „когда Богъ сказалъ по сотвореніи Адама: *не добро быти человеку единому* (Быт. II, 18), создалъ и привелъ къ нему помощницу, подобную ему, для того, чтобы она вмѣстѣ съ нимъ раздѣляла радости жизни. Въ сердца наши премудрый Творецъ вложилъ любовь, которая скрѣпляетъ союзъ семейный, и въ церкви благодатию Божіею освящается и утверждается эта сила семейнаго союза. Доброе семейство поэтому представлять должно изъ себя надежный пріютъ для водворенія счастья, бѣгущаго отъ насъ. Но смотримъ мы на эти пріюты счастья, на эти огражденные и воздѣланные поля, на которыя призвалась роса благодати Божіей,—и видимъ, что на нихъ произрастаютъ не одні благоухающія розы, но вмѣстѣ съ розами тернія и волчцы, и весьма часто постыдніе заглушаютъ первыя. Вмѣстѣ съ радостями здѣсь неразлучны и печали, и нельзя вѣдѣть, чего больше,—печалей или радостей. Возьмемъ во вниманіе доброе благоустроенное семейство, благословенное Богомъ. Тихо протекаютъ дни его. Но смотрите, сколько заботъ и безпокойствъ лежитъ на сердцѣ главы семейства. Человѣкъ беретъ и несетъ себѣ и другимъ чашу радостей; но вдругъ выпадаетъ изъ рукъ эта чаша, и вмѣсто нея предлагается чаша горестей. Посмотрѣть внимательно святой отецъ на эти пріюты радостей земныхъ, и увидѣть, что сюда непрошенныя вторгаются скорби нашей многобдственной жизни. Пріятно супружество; но вмѣстѣ съ нимъ

налагается на рамена тяжелое иго заботъ и безпокойствъ,— „налагаются узы, тягчайшія всѣхъ. какія налагаетъ на людей вещество, какъ начало трудовъ“¹⁾). Сколько думъ, тяжелыхъ, удручающихъ думъ вноситъ въ душу желаніе благоустроения семейнаго дома.—и эти думы не дѣло минуты, а неразлучныя спутницы дней и годовъ отъ молодости и до скорбнаго заката жизни. Безчадіе въ немъ? Безчадіе—болѣзнь (говоритъ св. Григорій Богословъ)²⁾; безчадіе—лишеніе благословенія Божія и тѣхъ утѣшеній, какъ люди могутъ находить въ семействѣ. Тамъ дѣти? „Дѣти—гневная скорбь; здѣсь заботы о добрыхъ дѣтяхъ, печаль о худыхъ“²⁾). И эти думы и заботы—удѣлъ не однихъ людей, въ потѣ лица добывающихъ насущный кусокъ хлѣба, но и тѣхъ, у кого мы видимъ внѣшнее довольство и значительное обиліе матеріальныхъ средствъ. Мы любуемся на благосостояніе того или другого семейства,—вдругъ подкрадывается болѣзнь, а тамъ и смерть того или другого члена семьи, а, можетъ быть, главы и кормильца ея.—все разстраивается, и горькія слезы, неизсущаемыя временемъ,—тамъ, гдѣ, казалось, счастіе свило гнѣздо себѣ. И это въ благословенныхъ семействахъ. Но при нынѣшнемъ нравственномъ разслабленіи не часты эти благословенныя семейства. Врагъ человѣческаго счастія сидитъ всюду пускать свое ядовитое жало. и вотъ тамъ, гдѣ, по устройству Божию, должны господствовать миръ и любовь,—эти главные условія семейнаго благополучія, какъ часто мы видимъ ссоры, брань, горькія препирательства, невѣрность другъ другу, проявленія несдержанной страсти, разрушающія крѣпость семейнаго союза и кончающіяся полнымъ распаденіемъ семейнаго дома, послѣ чего люди, вступившіе въ союзъ

---

¹⁾ Св. Григорія Богослова стихи о самомъ себѣ. Твор. св. Григорія Богослова ч. IV, стр. 280.

²⁾ Твор. св. Григорія Богослова, т. IV, стр. 267. Слово о малодѣянности внѣшняго чловѣка и о суетѣ настоящаго.

любви на вѣки. съ ненавистію относятся другъ къ другу, и хуже чужихъ враждуютъ другъ противъ друга.

Но довольно. „Изъ смертныхъ (говоритъ св. Григорій Богословъ) никто еще не хвалился тѣмъ, что онъ, не испытавъ тяжелыхъ бѣдствій. переселился отсель... Не видалъ я ни одного блага, которое бы совершенно было изъято отъ скорби, съ тѣхъ поръ, какъ пагубное вкушеніе и зависть противника заклеили меня горькою опалой“ ¹⁾.

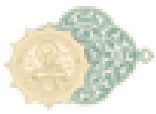
Итакъ, извѣдали мы разные пути жизни, искали счастья тамъ, гдѣ люди думаютъ найти его, и не нашли его тамъ. Но мы сказали, что и здѣсь, при всѣхъ невзгодахъ на землѣ, возможна и доступна для насъ доля счастья. Гдѣ жъ оно,—это доступное для насъ счастье? И какой путь ведетъ къ нему?

Ищите счастье въ своей душѣ, или, лучше, созидайте счастье въ себѣ самихъ. А путь къ нему указанъ въ Евангеліи, и состоитъ онъ въ исполненіи заповѣдей закона Божія, направляющаго ко благу стопы наши, и въ преданности воли Божіей. Чѣмъ выше мы поднимаемся по степенямъ нравственнаго совершенства, тѣмъ ближе становимся къ искомому нами счастью.

Есть латинская пословица: *Quisque suae fortunae Faber est*, т. е. всякій самъ творецъ своего счастья, всякій самъ хозяинъ своей судьбы. Счастье зависитъ не отъ внѣшнихъ вещей, которыя мы можемъ пріобрѣсть и потерять, а отъ нашего внутренняго состоянія и расположенія. Такъ воспитывайте свою душу, чтобы въ ней утвердился неизблемый залогъ счастья. Пріобрѣтите такую силу духа, чтобы вы мог-

---

¹⁾ Слово о человѣческой природѣ. Творенія св. Григорія Богослова т. IV, стр. 260.

ли господствовать надъ всѣмъ, что течетъ около и мимо васъ. Приобрѣтите такую силу, которая могла бы оградить васъ отъ такъ называемыхъ ударовъ судьбы и ограничить ихъ власть надъ вами. Въ жизни счастливыя и несчастныя обстоятельства являются дѣломъ случая; а внутренній миръ правильно воспитанной и поставленной души не зависить отъ случая; онъ является неотъемлемымъ достояніемъ души, укрѣпившей свою внутреннюю силу и тѣмъ ставящей себя въ независимое или господствующее положеніе по отношенію къ внѣшнимъ случайностямъ. Душа, утвердившаяся въ добръ и преданная волѣ Божіей, представляетъ изъ себя твердыню, которую не могутъ сокрушить внѣшнія напасти. Пусть бушуютъ вѣтры кругомъ ея; пусть проносятся вихри и бури: она стоитъ непоколебимо. *Храмину на камени* созидаетъ человекъ, исполняющій законъ Христовъ, говоритъ Господь въ Евангеліи. *И сниде дождь, и придоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо ѡбъ на камени* (Матѳ. VII, (24—25).

Екклѣзіастъ, который все испыталъ, изслѣдовалъ всѣ пути человѣческіе и мудрымъ словомъ взвѣсилъ и оцѣнилъ всѣ блага, за которыми гоняется человѣкъ отъ утра до вечера, отъ колыбели до гроба, нашелъ, что все и вездѣ *суета суеть и всяческая суета* (Еккл. XII, 8). Гдѣ же выходъ изъ этой суеты? Вотъ главное и коренное правило, которое Екклѣзіастъ совѣтуетъ напечатлѣть на сердцахъ человѣческихъ: *бойся Бога и заповѣди Его соблюдай; потому что въ этомъ все для человека* (Еккл. XII, 13). Только при этомъ возвысится человѣкъ надъ суетою, крутящею его, и среди бурнаго житейскаго моря обрѣтетъ надежную пристань, въ которой будетъ чувствовать себя спокойнымъ, какія бы волны ни разражались вокругъ него. Когда другіе, преданные суетѣ, приходятъ въ отчаяніе при видѣ яростныхъ волнъ,—душа человѣка, боящагося Бога и на Него возлагающаго все

упование свое, пребываетъ спокойна и непоколебима. Къ Богу нужно обращаться всѣми помыслами своими, въ Немъ полагать надежду нашего спасенія,—и тогда никто не отниметъ отъ насъ внутренняго мира,—перваго и главнаго условія нашего счастья.

Кого Писаніе называетъ блаженными или, иначе говоря, счастливыми? Людей, преданныхъ Богу, исполняющихъ заповѣди Его. *Блаженны (говоритъ Псаломщикъ) непорочные въ пути, ходящие въ законъ Господень. Блаженны хранящие откровения Его, всѣмъ сердцемъ ищущие Его* (Псал. СХVІІІ. 1—2). *Блаженны вси, надѣющіеся на Него* (Пс. 11. 12). *Блаженъ мужъ, бойся Господа* (Псал. СХІ, 1). *Блаженъ, елику же не зазрѣ душа его* (говоритъ премудрый сынъ Сираховъ) (Сир. ХІV, 2). Почему блаженны или счастливы таковые? Потому что они всею душою обращены къ Богу, источнику всякаго блага и счастья, нашему всесильному Заступнику, а это обращеніе снабжаетъ ихъ такою силою, которая помогаетъ имъ побороть всѣ превратности судьбы. Они смогрѣтъ гуда, откуда исходитъ свѣтъ, и тьма, насъ облегающая, то есть, несчастья, съ нами приключаются, не омрачаютъ ихъ взора. Они твердо вѣруютъ, что у нихъ есть Покровитель, сильный защитить и избавить ихъ отъ болѣзни смертныя и отъ всѣхъ козней адовыхъ, и эга вѣра хранить въ нихъ непоколебимое благодущіе. Вмѣстѣ съ Давидомъ они чувствуютъ и исповѣдуютъ: *Господь свѣтъ мой и Спаситель мой: кого лишь бояться? Господь защититель живота моего: кого или чего лишь страшиться? Если ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое* (Псал. XXVІ, 1. 3).

Господь Іисусъ Христосъ, указывая намъ пути, ведущіе къ обладанію благами, намъ доступными и нами искомыми, сказалъ нѣкогда: *ищите прежде царствія Божія и правды его* (Матѣ. VІ, 33), и тогда все, въ чемъ нуждаемся мы, и отъ чего

зависитъ наше довольство и счастье, будетъ дано намъ. А царствіе Божіе весьма близко отъ насъ. Оно, по изъясненію Апостола, *не брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. XIV, 17). Оно,—это царствіе внутри насъ, то есть. можетъ быть нашимъ внутреннимъ пріобрѣтеніемъ, если только мы приложимъ усилія къ тому.—и тогда мы застрахованы отъ ударовъ судьбы, и тогда мы обладаемъ спокойствіемъ. котораго никто не отниметъ отъ насъ, и тогда мы будемъ въ обладаніи счастьемъ. доступнымъ человѣку въ земной юдоли.

„Никто не сможетъ сдѣлать насъ несчастными (говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾), если мы сами не сдѣлаемъ себя такими; равно какъ никто не сможетъ сдѣлать насъ и блаженными, если не сдѣлаемъ себя таковыми мы сами. по благодати Божіей“.

Можетъ быть, вы съ недоумѣніемъ выслушали такое сужденіе святаго отца. при томъ выраженное съ такою рѣшительностью? Но онъ повторяетъ его не разъ и не два въ своихъ чудныхъ бесѣдахъ, и мысль о томъ, что отъ насъ самихъ зависитъ быть счастливыми или несчастными, была, можно сказать, его любимой мыслію. Вы не поскучаете, если изъ его многократныхъ разъясненій этого положенія мы приведемъ нѣчто для разсѣянія всякихъ недоумѣній, какія можетъ вызывать его, на поверхностный взглядъ, необычное сужденіе, какъ будто противорѣчащее дѣйствительности.

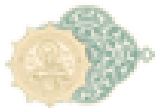
„Всегда счастливъ (говоритъ онъ ²⁾) тотъ, кто имѣетъ чистую совѣсть, а чья совѣсть обременена грѣхами, всегда несчастливъ, что бы ни дѣлалъ“. „Только у человѣка, воспитан-

¹⁾ Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. св. Іоанна Златоуста, т. II, кн. 1, стр. 206.

²⁾ Слово на новый годъ. Твор. ст. Іоанна Златоуста т. I, кн. 2, стр. 761—2.

наго и настроеннаго по-христіански, можетъ быть полное благодушіе, при которомъ ничто не можетъ въ конецъ разстроить и опечалить его. Отъ такого человѣка, какъ отъ каменной и твердой скалы, отлетаютъ все вѣншіе удары, ни мало не колебля его. Это и имѣлъ въ виду Апостолъ, когда убѣждалъ вѣрныхъ: *радуйтесь всегда о Господѣ: и паки реку: радуйтесь* (Фил. IV, 4). Все мірское, о чемъ мы радуемся, превратно, непостоянно, измѣнчиво, и не только этотъ имѣть въ себѣ недостатокъ, но и то еще, что, и будучи продолжительно, не доставляетъ намъ такой радости, которая бы прогоняла и затмѣвала печаль, причиняемую намъ другими предметами. А преданность Богу тверда и неподвижна, и столько источаетъ радости, что мы бываемъ совершенно нечувствительны къ другимъ бѣдствіямъ. Боящійся Бога и надѣющійся на Него пріобрѣлъ себѣ самый корень радости и владѣетъ вполне источникомъ благодушія. И какъ малая искра, упавшая въ безбрежное море, легко исчезаетъ, такъ, чтобы ни случилось съ боящимся Бога, все упадетъ въ великое море благодушія, угасаетъ и исчезаетъ... Представимъ человѣка, который имѣетъ чистую совѣсть, стремится къ будущему и пребываетъ въ благихъ надеждахъ. Что можетъ, скажи мнѣ, повергнуть его въ печаль? Не всего ли невыносимѣе представляется смерть? Но ожиданіе ея не только не печалитъ, а еще весьма радуетъ его: онъ знаетъ, что наступленіе смерти есть избавленіе отъ трудовъ и приведеніе къ вѣнцамъ и наградамъ, назначеннымъ для подвижавшихся въ благочестіи и добродѣтели. А безвременная кончина дѣтей? Но и это онъ переноситъ мужественно и говоритъ словами Іова: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако и бысть: буди илѣя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Если же смерть и потеря дѣтей не могутъ опечалить его, тѣмъ болѣе ущербъ въ имуществѣ, поношенія, обвиненія, клеветы и болѣзни тѣлесныя не могутъ поразить столь великой и доблестной души. Такъ и апостолы

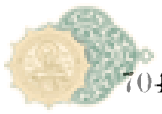
подвергались побоямъ, но не скорбѣли. Велико уже и это; но гораздо важнѣе то, что они не только не скорбѣли, но и самые бичи дѣлали поводомъ къ еще большей радости и возвратились *отъ лица собора, радующеся, яко за имя Христа удостоились принять безчестіе* (Дѣян. V, 41). Оскорбилъ кто и обругалъ такого человѣка? Но онъ наученъ Христомъ радоваться среди поношеній: *радуйтесь, говоритъ Христосъ, и веселитесь, егда рекуть всякъ золь глаголь, на вы лжуще Мене ради, яко мзда ваша многа на небесныхъ* (Матт. V, 11—12)... Если же ни смерть, ни потеря имущества, ни болѣзнь тѣлесная, ни безчестіе, ни поруганіе, ни иное что подобное не можетъ его опечалить, напротивъ. еще и радуется,—то какая будетъ у него еще причина печали“ 1)?

Думается намъ, что многимъ изъ васъ такая точка зрѣнія на дѣло кажется слишкомъ возвышенною, а пожалуй, искусственною, или, говоря проще, натянутою. Наше естественное плотяное чувство, съ его болѣзненными ощущеніями, нудитъ насъ иначе смотрѣть на обыкновенное теченіе нашей жизни, съ ея превратностями, волненіями и частыми злоключеніями. Какъ не скорбѣть, а тѣмъ болѣе радоваться намъ, когда поражаетъ насъ острое жало боли, нами ощущаемой? Но наше плотяное чувство, какому мы поддаемся обыкновенно, слишкомъ суживаетъ нашъ кругозоръ, склоняя долу нашъ умственный взоръ, и дѣлаетъ насъ рабами внѣшнихъ обстоятельствъ. Руководясь имъ, мы не можемъ выбраться изъ той крутящейся пучины, какую представляетъ сплетеніе событій нашей жизни. А мы, надѣленные даромъ свободы, должны не подчиняться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а господ-

---

1) Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. св. Іоанна Златоуста, т. II, кн. I, стр. 202—203.

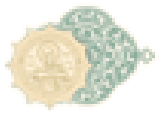

ствовать надъ ними. И нашему уму даны крылья, возносящія его надъ землею,—прирождено стремленіе вверхъ, увлекаемый которымъ онъ долженъ смотрѣть на вещи не такъ, какъ онѣ представляются съ низменной точки зрѣнія, а какими онѣ являются, если на нихъ смотрѣть съ небесной высоты. Священное Писаніе и его богомудрые толкователи освобождаютъ насъ отъ порабощенія внѣшними обстоятельствами, ведутъ насъ къ свободѣ духа, возвышающей насъ надъ ощущеніями низменнаго плотнаго чувства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ свѣтъ нашему уму, показывая истинное значеніе тѣхъ вещей, которыхъ страшится наше сердце. Другой точки зрѣнія на наше земное счастье и его источникъ нельзя найти и указать, если мы хотимъ разсѣять туманъ, облегающій наши исканія счастья.

Не одни церковные писатели такъ смотрѣли на дѣло. Проблески такого воззрѣнія на счастье наше мы находимъ и у людей, водящихся естественнымъ разумомъ, когда они, не довольствуясь поверхностнымъ взглядомъ на вещи, стараются поглубже вдуматься въ загадку нашего бытія и въ оцѣнку нашихъ стремленій. Мы приводили уже, и не разъ, сужденіе величайшаго отъ философовъ,—Платона. Много думалъ онъ о томъ, что можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, и въ концѣ концовъ пришелъ къ такому заключенію, что „счастье неразлучно съ добромъ, и добро есть первое и главное благо человѣка. Безъ стяжанія добра всякое другое стяжаніе ничего не значить. Овладевъшій добромъ овладѣлъ и счастьемъ, и носитъ внутреннее довольство въ самомъ себѣ. А высочайшее добро осуществляется въ Богѣ, и потому въ единеніи съ Богомъ и подчиненіи Его волѣ нужно искать человѣку счастья“.

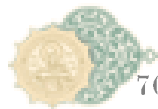
Но вы не желали бы довольствоваться тѣмъ счастьемъ, какое мы можемъ созидать въ душѣ своей, следуя путемъ

добродѣтели и подчиняясь волѣ Божіей. Вамъ мало того счастья, какого мы можемъ достигать, когда воспитаемъ въ себѣ нравственную силу, способную противостоять всѣмъ превратностямъ судьбы, и когда откроемъ доступъ въ сердца наши утѣшеніямъ благодати Духа, водворяющаго въ насъ миръ и спокойствіе. Вы желали бы большаго, полнаго счастья,—желали бы постоянныхъ наслажденій, ласкающихъ наше плотское чувство. Что же дѣлать? Мы потеряли блаженство, намъ дарованное, чрезъ грѣхъ, внесшій отраву во все существо наше. Грѣховный ядъ гнѣздится въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, и мы не можемъ совершенно освободиться отъ вредоноснаго дѣйствія его, вносящаго въ нашу жизнь сѣмя зла, несовмѣстимаго съ совершеннымъ счастіемъ. Наше теперешнее состояніе таково, что Евангеліе,—это непреложное слово истины,—говоритъ намъ не о счастіи, но о спасеніи, спасеніи отъ гибели и возвращеніи потеряннаго блаженства. Это спасеніе—дѣло будущаго, и въ будущей безсмертной жизни намъ даровано будетъ такое блаженство, котораго въ настоящемъ своемъ состояніи мы и представить не можемъ. *Не уявися, что буде.иъ* (1 Иоан. III, 2), говоритъ Апостоль. *Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце чело.вѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящ.иъ Его* (1 Кор. II, 9), утѣшаетъ насъ другой Апостоль. „Какъ же мы узнали это, Павелъ (спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ) ¹⁾. Кто открылъ, кто объяснилъ все это, что было невидимо и неслышано, и не входило въ сердце чело.вѣка?... Скажи и покажи, кто сообщилъ такое знаніе? *Намъ*, говоритъ, *Богъ открылъ естъ Духомъ Своимъ, Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. II, 10—11).

---

¹⁾ Слова къ тѣмъ, которые соблазняются происшедшими несчастіями. Слов. св. Іоанна Златоуста, т. 13, кн. 2, стр. 502.

Вотъ гдѣ наше счастье! Вотъ куда должны быть устремлены наши помыслы и желанія. Въ предвкушеніи этого будущаго блаженства чувствовали неизъяснимое удовольствіе святыя праведники. Ихъ не возмущали и не поражали временныя скорби и страданія. Они легко переносили всѣ здѣшнія злключенія: потому что ихъ мысль была со Христомъ въ Богѣ. Они, по слову Апостола, желали *разрѣшиться*, то есть, отойти изъ этого міра, полного печалей, и войти въ царство славы, гдѣ одесную Бога Отца возсѣдитъ Христосъ—нашъ Спаситель, уготовившій свѣтлыя обители своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ. Даже путь кровей, каковъ путь мучениковъ, не былъ страшенъ для нихъ, и они вступали на него съ бодрымъ духомъ, полные блаженнаго упованія, презирая кратковременныя страданія. Тамъ блаженство вѣчное, несокрушимое, съ которымъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе нынѣшнее шаткое, колеблющееся счастье. Наше земное счастье, за которымъ мы гоняемся (если только его можно назвать счастьемъ),—счастье летучее, скоропреходящее. Нынѣ ты счастливъ, доволенъ; но завтра незамѣтно подкрадывается къ тебѣ бѣда, когда ты не успѣлъ еще вполне овладѣть своимъ счастьемъ. Въ нынѣшнихъ счастливыхъ обстоятельствахъ мы не испытываемъ полнаго довольства и покоя. Всегда на днѣ души чувствуется нѣкоторая неудовлетворенность своимъ положеніемъ, нудящая насъ искать новаго и большаго блага. Точно дерево, котораго корень поврежденъ и зараженъ гнилью,—жизнь наша на землѣ: эта гниль, подтачивающая корень нашей душевной жизни, даетъ намъ чувствовать себя, въ какихъ бы благопріятныхъ обстоятельствахъ мы ни находились. А тамъ не будетъ ни тѣни смущенія, и все горькое, все гнилое, отъ чего мы нынѣ не можемъ освободиться, исчезнетъ, и новое свѣтлое небо, новая прекрасная земля будетъ нашимъ жилищемъ, гдѣ миръ и правда будетъ съ нами.

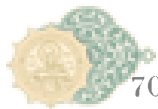
„Для людей (говорить св. Григорій Богословъ) ¹⁾ одно только благо, и благо прочное, это небесныя надежды. Ими дышу я нѣсколько, а къ прочимъ благамъ чувствую отвращеніе. И я готовъ предоставить существамъ однодневнымъ все то, что влечется по землѣ... Другимъ уступаю пріятности жизни; а самъ охотно ихъ избѣгну. Время, пока я дышу, есть быстрый потокъ бѣгущей рѣки, въ которой непрестанно одно уходитъ, а другое приходитъ, и ничего нѣтъ постоянного... Много путей многобѣдственной жизни, и на каждомъ встрѣчаются свои скорби; нѣтъ добра (здѣсь) для людей, къ которому бы не примѣшивалось зло. Одно только прекрасно и прочно для человѣка: взявъ крестъ, переселяться отсель. Прекрасно жить жизнію, чуждою жизни, и промѣнявъ одинъ міръ на другой, терпѣливо переносить всѣ горести“.

Итакъ надеждою на будущія блага намъ нужно питать и улаждать свои души, и здѣсь полагать залогъ своего счастья. Будемъ жить сладкимъ упованіемъ. Это упованіе не ложно и не посрамить (Рим. V, 5); потому, что вѣренъ Обѣщавый намъ, и этотъ обѣщавый есть Господь, всесильный и милосердный Владыка неба и земли, пришедшій къ намъ во плоти и пролившій кровь свою за наше искупленіе отъ всякаго зла. Онъ обѣщалъ тѣмъ, которые послѣдуютъ за нимъ, *сокровище на небеси* (Матѳ. XIX, 21), и всякій, кто ради Его и по Его заповѣди, приметъ подвижъ на землѣ, *сторицею получитъ и животъ вѣчный наследитъ* (Матѳ. XIX, 29).

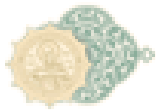
Но трудно намъ (скажете вы) утѣшать себя небесными благами, когда они не видны намъ и отдалены отъ насъ. Они не могутъ доставить намъ, по своей отдаленности, та-

---

¹⁾ Слово о малоцѣнности вѣшняго человѣка и о суетѣ настоящаго: Твор. св. Григорія Богослова, т. IV, 268—272.

кого удовлетворенія, какое доставляютъ блага здѣшнія, настоящія, явныя намъ и ощущаемыя нами. Такое возраженіе слышали и Златоустъ. Что же онъ отвѣчалъ на такое возраженіе? „Хотя они (небесныя блага) и не видны (говоритъ онъ), однако явственнѣе видимыхъ. Что я говорю: явственнѣе? Ихъ ты можешь видѣть лучше, нежели эти (земныя); потому что эти проходятъ, а тѣ всегда пребываютъ. Апостолъ говоритъ: мы въ *безмѣрномъ преизбыткѣ* предощае^{мъ} *вѣчную славу, когда смотримъ не на видимое, но на невидимое; потому что видимое временно, а невидимое вѣчно* (2 Кор. IV, 17—18). Если же ты скажешь: какъ могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое?,—то я постараюсь привести тебя къ вѣрѣ въ это посредствомъ дѣлъ житейскихъ. И тѣльными вещами, находящимися въ мірѣ, не скоро сталъ бы заниматься ктонибудь, если бы прежде видимаго не взиралъ на невидимое. Напримѣръ, торговецъ переноситъ много бурь, волненій, кораблекрушеній, и разныхъ затрудненій, но становится богатымъ послѣ бурь, когда сложить товары и долго будетъ производить торговлю. Такимъ образомъ, бури прежде, а товары послѣ; моря и волны уже являются ему, когда онъ выходитъ изъ пристани, а прибыли еще не видно,—она еще пока въ надеждѣ. И однако, если бы онъ напередъ не видѣлъ той не явной и не присущей, находящейся не въ рукахъ, а только въ надеждѣ, прибыли, то не дотронулся бы до этого присущаго видимаго. Такъ и земледѣлецъ запрягаетъ воловъ, влачитъ плугъ, проводитъ глубокую борозду, бросаетъ сѣмена, тратитъ все, что имѣетъ, переноситъ и морозъ и иней, и дожди и много другихъ непріятностей, а послѣ того труда ожидаетъ увидѣть богатую жатву, и полное хлѣба гумно. Видишь ли, какъ и здѣсь напередъ трудъ, а потомъ награда, и при томъ награда неизвѣстна, а трудъ извѣстенъ и очевиденъ; та еще въ надеждѣ, а этотъ въ опытѣ... И такъ не безразсудно ли въ дѣлахъ житейскихъ прежде явнаго смотрѣть на неявное,

прежде наградъ переносить труды, прежде терпѣть всѣ неудобства, а потомъ ожидать отъ того пользы, и побуждаясь надеждою на невидимое, приниматься за видимое, а въ дѣлахъ Божіихъ колебаться и недоумѣвать, требовать воздаяній прежде трудовъ, являться малодушнѣе и земледѣльцевъ и мореплавателей“¹⁾).

Итакъ не будемъ полагать своего счастья въ земныхъ радостяхъ, не будемъ гоняться за мимолетными удовольствіями, которыя бѣгутъ отъ насъ въ то самое время, когда мы хотимъ овладѣвать ими. Они лишь только явятся, какъ и улетаютъ; лишь только придутъ, какъ и убѣгаютъ; смѣны ихъ быстры; обладаніе ими не вѣрно. А будемъ стремиться къ обладанію блаженствомъ нескончаемымъ, обѣгованнымъ намъ Господомъ, такъ много сдѣлавшимъ для насъ, чтобы ввести насъ въ обладаніе этимъ блаженствомъ. Тамъ, единственно тамъ наше полное и истинное счастье. А все прочее---бѣгущая тѣнь, ничего за собою не оставляющая.

Вы ждете конца слова, полагаю, наскучившаго вамъ и утомившаго ваше вниманіе. Пусть наше слабое слово заключить и покроетъ собою сильное слово вселенскаго учителя (св. Іоанна Златоуста). Ни чѣмъ лучше мы не можемъ заключить свою бесѣду съ вами, какъ его могучимъ голосомъ, несущимся къ намъ изъ дали временъ, и доннынѣ слышимымъ и внушительнымъ для внимательныхъ душъ. „Горько оплакивая покрывающую души людей густую мглу (говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ), я желалъ бы найти какое нибудь возвышенное мѣсто, съ котораго мнѣ можно было бы видѣть весь родъ человѣческій, --желалъ бы имѣть и голосъ, который оглашалъ бы всѣ предѣлы и слышенъ былъ для всѣхъ, живущихъ на

---

¹⁾ Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ. Твор. св. Іоанна Златоуста, т. III, кн. I, 466—7.

землѣ, чтобы стать и взывать и провозглашать слова Давида: *сынове чловѣчестіи, доколѣ тяжко-сердїи, всякую любите суету и ищите жи* (Псал. VI. 3), предпочитая небесному земное, вѣчному временное, безсмертному тлѣнное¹⁾.

В. Пивницкій.

---

¹⁾ Бесѣда о жизни по Богу и на словѣ: *Узкая врата* и пр. (Матѣ. VII, 14). Твор. св. Іоанна Златоуста, т. III, кн. 1, 28.